

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15°)

№ 6

Париж. ИЮНЬ 1934

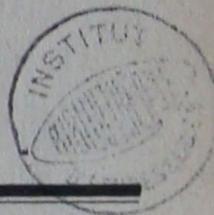
№ 6

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат. — “Восточное Локарно”.*Джейхун бей Гаджибейли.* — О любви к Родине.*Д. Милль.* — Существует ли между Анкарой и Москвой секретное соглашение о Кавказе?*Алихан Кантемир.* — Шахин шах в Турции.*Кавказцы.* — Вредная бравада.*Грузин.* — В Грузинской колонии.

Обзор печати.

Письма в Редакцию.

Восточное Локарно

В Женеве, как известно, покойников не хоронят, а бальзамируют.

Не избежала этой участи и последняя сессия Конференции по разоружению.

Несомненный и для всех очевидный провал ее был искусно затушеван нарочито туманной и расплывчатой резолюцией, оставляющей для каждой из подписавших ее великих держав возможность толковать принятую формулу в удобном для себя смысле.

Во Франции внимание общественного мнения, конечно, было обращено на самый факт возобновления сотрудничества с Америкой и Англией и почти обойден молчанием от-

каз Италии примкнуть к состоявшемуся компромиссу.

В Англии, как и следовало ожидать, сделали ударение на той части резолюции, которая предоставляет сторонам право вести частные переговоры с Германией...

Что же касается практических результатов Конференции — они, увы, весьма далеки от тех целей, к которым стремится высокое Женевское Собрание...

Вместо уничтожения или хотя бы значительного сокращения смертоносных орудий — новый грандиозный скачек вооружений и астрономическое увеличение экстрординар-

ных военных расходов, очень напоминающие печальной памяти скачку вооружений, предшествовавшую роковому 1914 году.

Еще не отзвучали женевские речи, едва успели делегаты вернуться домой, как французская Палата, огромным большинством вотпругует, мотивированный чрезвычайными вооружениями Германии, особый трех миллиардный кредит на усиление пограничных укреплений и другие военные потребности...

Италия, уклонившаяся в Женеве от присоединения к резолюции Барту и только что, с неслыханной помпой встретившая фюрера Германии, демонстративно заявляет о закладке двух самых могущественных в мире броненосцев, призванных обеспечить ей господство в Средиземном море... если тем временем ее соперницы не построят еще более мощных кораблей...

Англия, очевидно окончательно потерявшая веру в замирение Европы, приступает к сооружению воздушного флота "равного по силе флоту самой сильной континентальной державы"... а английское адмиралтейство, в предвидении предстоящей в 1935 году морской конференции, заявляет о своем намерении потребовать постройки новых 35 крейсеров и бесчисленного количества мелких судов.

Так своеобразно осуществляется материальное "разоружение" Европы в лето от Р. Х. 1934-ое.

Не лучше обстоит и в области разоружения морального.

Вместо желанного умиротворения умов — новая волна взаимного недоверия и острый спор о природе модных региональных пактов, которые их противникам кажутся опасно похожими на старую, как мир систему военных союзов и коалиций.

А наряду с этим в недрах дипломатических канцелярий кипит лихорадочная работа,

а великие мира сего, подобно метеорам, борздят небеса и землю, носясь из столиц в столицы...

**

**

В центре политического внимания Европы два новых проекта обширных региональных пактов взаимопомощи. Так называемое "Восточное Локарно" и Средиземно-морский пакт.

Первый должен объединить СССР, Польшу, Балтийские государства, Чехословакию и "может быть" Германию.

Второй — все государства прилегающие к Черному и Средиземному морям: СССР, Турцию, Румынию, Болгарию, Францию, Италию, Югославию и Грецию.

В обоих проектах, являющихся результатом нового франко-советского содружества, фигурирует на почетном месте СССР, которому, в возрожденном европейском концерте, отводится роль, некогда принадлежавшая Императорской России.

Однако осуществление "Восточного Локарно", как впрочем и Средиземноморского пакта, в современных европейских условиях, представляется своего рода квадратурой круга.

Разрешение этой проблемы в дипломатии, вероятно, представит не меньшие затруднения чем в математике.

Вот как рисует создающуюся в Европе ситуацию один из наиболее авторитетных французских историков и публицистов нашего времени Жак Вьнвиль:

"Хитлер стал другом Муссолини. Они помирились через голову Австрии. Франция стала другом 3-го Интернационала, переименованного в этих целях в Россию. Игра 32-х карт, какой представляется новая Европа, дала самую невероятную из всех комбинаций.

Франция стала главой пан - славизма; пан-славизм подпирается Турцией. Коммунистическая СССР, пражская республика профессоров, две монархии: белградская и бухарестская, модернизированная турецкая диктатура и Франция! — разве это не странная компания? Какова будет сила способная привести ее в движение? Польша не входит в комбинацию и у нее есть причины на то. Что же касается Бельгии, то о ней просто забыли...”

Остроумные сопоставления Ж. Бенвиля ярко свидетельствуют о том глубоком смятении душ и разброде умов, которые ныне царят в Европе и делают возможными самые противоестественные и заведомо нежизненные построения.

Было бы бесполезно скрывать, что новая ориентация французской политики, стремящаяся создать систему европейского равновесия на укреплении Малой Антанты и на тесном сближении с СССР, у нас, у кавказцев, искренно привязанных к Франции, вызывает не только сердечную грусть, но и весьма обостренную тревогу за будущие судьбы великой страны, в которой мы нашли столь радушный приют..

Не без удовлетворения поэтому мы отмечаем, что среди общего увлечения новым курсом Ка д'Орсэй, в серьезной французской прессе все же порою звучат предостерегающие голоса нескольких вдумчивых публицистов, пытающихся открыть французскому общественному мнению глаза на подлинное значение советского фактора в создавшейся международной обстановке и действительные планы Москвы.

“Вполне понятно, пишет Ж. Дельбэк в “Аксьон Франсез”, почему Советы стремятся сблизиться с Францией и Малой Антантой. Угроза на Дальнем Востоке заставляет их искать обезпечения с тыла. Отсюда ничего не

стоящие обещания и пакты. Но отвечать на такие авансы, полагаться на советское чистосердечие, открывать французские лагеря, арсеналы и мастерские военным миссиям красной армии, полагать наконец, будто поддержка СССР есть гарантия против Германской опасности — это значит доказывать собственную наивность. Франция приводит в тревогу Англию и отчуждает от себя Польшу”.

В той же газете уже цитированной выше Бенвиль замечает: “Напрасно скрывать от себя, что встреча в Венеции есть ответ на пакт намеченный в Женеве. Никто ведь не знает какие обязательства взяла на себя Франция по отношению к Советам. И не более чем глупая шутка разговоры будто к этому могут присоединиться Италия и Германия”.

Впрочем яростная кампания, которая ведется в нац. социалистической и фашистской печати против “французской полити блоков” и отклики ее на путешествия г. Барту в Бухарест и Белград, едва ли оставляют место для каких бы то ни было сомнений относительно позиции Берлина и Рима в этом вопросе.

Достаточно ясно выявилось отрицательное отношение также и Англии и едва ли предстоящая поездка Барту в Лондон сможет что нибудь изменить в этом вопросе.

Во Франции часто склонны забывать, что Англия не только европейская держава и что важнейшие ее интересы сосредоточены в Азии.. а эти интересы находятся в непримиримом противоречии с интересами России.

Однако в вопросе о том быть или не быть “Восточному Локарно” центральное место принадлежит Польше. Молодое Польское государство, уже и теперь являющееся одним из самых значительных политических факторов современной Европы, призвано сыграть исключительно важную роль в ближайших судьбах нашего континента.

Это не может не сознаваться каждым объективным наблюдателем, считающимся с данными географии и учитывающим реальные возможности этой страны, руководимой твердой и властной волей своего национального героя.

Сознается это конечно и во Франции, где у Польши в последнее время, довольно плохая пресса.

Некоторые французские общественные круги не могут скрыть своего раздражения по поводу той, неожиданной для них, самостоятельности и инициативы, которую продемонстрировала Варшава в своей внешней политике и в частности в сношениях с Германией. — Эти круги проявляют, по нашему мнению, глубокое непонимание истинной природы русско - польских отношений... Объяснение того, что они именуют польским “вольт-фасом”, может быть правильнее было бы искать не в Варшаве, а в Париже.

Как свидетельствует в журнале “Фронтьер” полковник Реньо, взаимоотношения Франции с возрожденной Польшей всегда оставляли желать лучшего, а порою создавались и весьма серьезные основания для опасений, что Франция может и вовсе перестать интересоваться Польшей... Во всяком случае с того момента, как в Париже выявилась тенденция к вовлечению в Европейский концерт Советской России и к воскрешению, в той или иной форме, франко - русского Союза — охлаждение между Польшей и Францией стало логически неизбежным...

Понятна политика Варшавы направленная к сохранению корректных отношений с Советской Россией, совершенно последователен и заключенный ею с Москвою пакт о ненападении. Но нужно позабыть о географическом положении Польши, игнорировать всю ее историческую трагедию и не считаться с той

психологической атмосферой, которая создавалась в русских кругах вокруг Рижского мирного трактата, чтобы серьезно предполагать, что Варшава может, без смертельной опасности для национального бытия Польши взять на себя вытекающие из “пакта о взаимопомощи” обязательства союзного характера и допустить на свою территорию, при каких бы то ни было условиях, красную армию...

И чем настойчивее будет в Париже тяготение к России, чем сильнее будет стремление поставить рядом с Польшей, в качестве контрфорса против Германии, военный Союз с Россией — красной или белой, безразлично — тем дальше, вероятно, будет отходить Варшава от своей сегодняшней союзницы и тем больше у ней будет стимулов искать гарантий своей безопасности от усиливающейся восточной соседки в других европейских комбинациях...

Все эти соображения говорят за то, что реализация “Восточного Локарно”, при существующем соотношении сил в Европе, является задачей весьма трудной — и можно серьезно опасаться, что идея “Восточного Локарно” практически легко может свестись к простому военному союзу с СССР.

Очень характерно, что во французской печати стали уже появляться статьи оценивающие значение такого союза и подсчитывающие силы красной армии...

Недавно в “Журналь”, известный журналист Сен-Брис дав справку о размерах и материальном оборудовании вооруженных сил Советской России и отметив попутно, плохое состояние дорожной сети, препятствующее механизации и моторизации их, пришел к следующим выводам:

“Технически красная армия — реальная сила. Весь вопрос в том, каков ее дух. Нельзя ставить под вопрос боевые достоинства рус-

ского солдата. Но вот, Россия — это страна, подчиненная диктатуре, лояльное отношение к которой крестьян, составляющих 80 проц. населения, далеко не так несомненно, как рабчих. Вот неизвестность в уравнении”.

К сожалению такие спокойные и объективные статьи, пытающиеся всесторонне осветить загадку, которой является для французов красная армия — теперь редкость. Большая печать, делающая французское общественное мнение, довольствуется перепевами на разные лады “массивного аргумента” Лионского мэра, заключающегося, как известно, в простом арифметическом подсчете народонаселения будущего союзника.

Колоссальная цифра — 168 миллионов! — подавляет и гипнотизирует сознание среднего француза.

Нам уже приходилось высказываться на страницах “Кавказа” по поводу внутренней несостоятельности этого эффектного аргумента.

Еще Виконсфильд заметил, что есть три формы лжи: ложь простая, ложь злостная... и статистика.

Ссылка на 168 миллионное население без реального учета внутренней структуры и национального состава СССР, без внимательного изучения грозных центробежных сил, раздирающих его чудовищное тело, оказывается, на проверку, как раз такой, больше чем злостной, ложью.

Игнорирование — сознательное или бессознательное — того факта, что Украина, Белоруссия, Кавказ, Туркестан, тюркские народы Поволжья и Урала и все не русские по крови и культуре народы СССР связаны с Москвою только штыками красной армии и особых отрядов ГПУ, — чревато грозными опасностями для всех тех, кто на голом арифметическом подсчете населения будет оцени-

вать значение военного союза с Советской Россией.

Ответственные за судьбы Франции политические круги должны быть предупреждены, что 48 проц. нерусского населения СССР, в момент внешней опасности не будут с Советами. Наоборот, со всей накопившейся за годы неслыханных страданий, страстной жадой мести, они подымутся против Советской власти.

Больше того, было бы величайшим заблуждением думать, что составляющие остальные 52 проц. населения СССР — великороссы, к национальной гордости и патриотизму которых ныне так лицемерно взывает Кремль, сохранят лояльность к Советской власти.

Все те, кто не ослеплены доктринальными страстями, и не черпают свою информацию в советских справочниках, все те кто прислушиваются к голосам идущим из недр русской жизни — отлично знают, что подавляющая масса русского народа отнюдь не считает советскую власть своей национальной властью и доведенная до последнего предела отчаяния, изверившись в возможности спасения собственными силами — возлагает все свои надежды на войну, как на единственный шанс на освобождение от красного ига...

Как бы не казалось это невероятным, нет никакого преувеличения в том, что мы пишем. И Советская власть хорошо это знает.

Сомневающимся мы приглашаем вдуматься в чудовищный, даже для нашего, привычного ко всему времени, советский декрет от 8 июня, которым большевицкая власть возлагает ответственность “за побег или полет за границу” красных воинов, на несчастных членов их семей, которые “знали и не донесли”...

В интересах Франции и во имя истины обо всем этом не должны бы забывать и те от-

ветственные деятели, которые так легко оперируют "массивным аргументом" и пытаются воскресить во французском обществе забытые восторги "Тулонских" дней, когда, так же как теперь, пытались поразить среднего француза хлестким образом всесокрушающего на своем пути "руло компрессер"...

С тех пор, однако, утекло не мало воды и Франция имела возможность, на жестоком опыте познать всю опасную иллюзорность ставки на количество.

В бесславные дни Брест - Литовска, когда, благодаря предательству тех, которые сейчас навязывают ей свою дружбу, Франция заглянула в глаза смерти, она могла убедиться в том, что северный русский колосс всегда был на глиняных ногах и что подъяремные народы Императорской России только ждали удобного случая для того, чтобы вырваться из душевной тюрьмы на волю.

Теперь же, когда не без участия самого Советского правительства, национальное чувство поработенных СССР народов доведено до пароксизма, возврат к этой аргументации, которой жизнь уже нанесла столь сокрушительный удар — нам представляется совершенно непостижимым ослеплением.

Но есть еще и другая сторона вопроса, которую нельзя упускать из виду. Кроме внутренней несостоятельности союза с Москвой, сближение с Советской Россией все более и более отдаляя Францию от Англии грозит поставить ее перед опасностью серьезнейших осложнений так же и с дружественной ей до сих пор Японией.

Если даже допустить, что учтя назревающий на Дальнем Востоке конфликт, Франция сумеет оговорить свой нейтралитет в неизбежном столкновении СССР с Японией, то и в этом случае, какие трудности ей сулит простое соблюдение этого нейтралитета.

Недавно Морис Палеолг весьма кстати напомнил в "Ревю де де Монд*" в каком исключительно деликатном положении оказалась Франция во время Русско - Японской войны в частности когда разыгрался Гулльский инцидент и в период пребывания эскадры Рождественского в дальневосточн. французских портах... Но Франция тогда имела дело с Императорской Россией, которая была лояльным союзником, которой конечно никогда и в голову не пришло бы провоцировать свою союзницу. Можно ли поручиться что таково же будет поведение Кремля? Поставить этот вопрос не значит ли на него ответить? Ведь союз с Францией Советской России только для того и нужен, чтобы используя насколько возможно в финансовом отношении, вовлечь ее всеми правдами и неправдами во все возможные внешние конфликты.

Все эти соображения и многие другие, которых мы не коснулись, будут, конечно, в поле зрения тех, кто в этот ответственный час, держит в своих руках судьбы Франции и скажут свое влияние на окончательное решение вопроса в интересах Франции и всего человечества.

Что же касается нас — наша позиция исторически проста и ясна.

Как бы ни складывались взаимоотношения европейских держав — стоящая перед нами задача остается неизменной.

Наши взоры жадно устремлены к нашим иоруганным родным очагам, к нашей истерзанной, изнашиваемой под красным ярмом Родине. Наши сердца бьются в унисон с сердцами наших томящихся в большевицком плену собратьев.

*) Maurice Paléologue — L'Escadre du Sacrifice. «Revue des deux mondes», 15 janvier — 1 février 1934.

Борьба за их раскрепощение, борьба за свободу Кавказа — единственный смысл и оправдание нашего существования.

Какие бы испытания ни уготовила нам Судьба. Какие бы разочарования не постигали нас на нашем тернистом пути — ничто не сломит нашего духа, не поколеблет нашей воли. Мы твердо верим в конечное торжество нашего правого дела и не сложим оружия до тех пор, пока не доведем нашей борьбы до победного конца.

Но даже если бы у нас не было этой уверенности, то и в этом случае мы не отказались бы от борьбы.

Мы думаем, что, как для отдельной личности, так и для нации, физическая смерть предпочтительнее смерти моральной... Тени поколений наших предков, отдавших за независимость и свободу Родной страны все что было у них ценного и самую жизнь — стоят перед нашими глазами — диктуют нам наш долг и указуют наш путь. — С этого пути мы никуда не свернем.

«Nous n'avons point besoin d'espérer pour entreprendre ni de réussir pour persévérer».

Гайдар Бамлат

О любви к Родине

С июня 1934 г. советская пресса стала склоняться во всех падежах новые слова, которыми она до сих пор подымала на смех прогнивший запад: “патриотизм”, “любовь к родине”, “преданность отечеству” и т. д. и т. д.

Любовь к родине теперь, оказывается, это — “высший закон жизни”. И если раньше трудящиеся не особенно-то бывали настроены патриотически, это только потому, что они не чувствовали себя хозяевами положения. Но с тех пор, как эти трудящиеся стали вершителями своих судеб, завели свои колхозы и совхозы и стали жить припеваючи, наделенные “конфор - модерн”, включая даже вполне индивидуализированных курицу и петуха, то они стали очень большими сов-патриотами.

И тогда как поэт, друг декабристов, Веневитинов, — повествует “Правда” — выказывал по отношению к старой России свою антипатриотическую горечь в следующих стихах:

“Природа наша, точно мерзость:
Смирненно - плоские поля —
В России самая земля
Считает высоту за дерзость.
Дрянные избы, кабаки,
Брюхатых баб босые ноги;
В лаптях дырявых мужики.
Непроходимые дороги,
Да шпильки вечные церквей —
С клистирных трубок снимок верный...
Грязь, мерзость, вонь и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут:
И вот что многие болваны
“Священной родиной” зовут!”

— “люди нашей страны, — уверяет газета, любят свою землю, где они родились, где протекает их детство, юность, где их будущее; небо, под которым они растут и развиваются; шум ее ветров и ее гордые горные хребты (sic!); моря и океаны, омывающие ее берега; ее песни и ее язык”.

Интересно то, что в определении признаков совпатриотизма, газета коммунистического интернационала выявляет себя куда буржуазнее чем ее собрат "Известия", являющиеся официальным органом правительства СССР. Так, например, "Известия", весьма осторожно, не признают один лишь факт рождения и роста в одной стране всеобъемлющими признаками патриотизма; они требуют еще других, "революционных" моментов, как дополнительных качеств. По этому поводу "Известия" вспоминают отзыв Ленина по поводу известной фразы Чернышевского о русских: "Жалкая нация, нация рабов" и пр. Эти слова Ленин комментировал как проявление "глубокой любви к родине" и сожаления у его автора, что у русского народа отсутствует революционная жилка.

Тут уже вопрос, из географической области, которой хотела бы держаться советская пресса, вынужденная на это хотя бы одним названием СССР, соскальзывает, по неволе, в область чисто национальную.

После того как "Правда", вооружившись должно быть микроскопом отыскала, в завалвшемся где то до сих пор тексте "маркс-энгельсовского" евангелия несколько слов относительно того, что и пролетарию, мол, "не возбраняется" иметь свое отечество и принадлежать к известной национальности — и это больше для очистки своей "интернационалистской" совести чем по убеждению — московская газета налегает на... Ленина для внедрения патриотизма в советских граждан... великорусского происхождения. Она цитирует известную статью Ленина о "национальной гордости великороссов", где тот писал:

"Мы любим свой язык и свою родину. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам под-

вергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты"...

Газета приводит другие цитаты, выставя Ленина "оборонцем", "защитником отечества", одним словом, тем же типом ура-патриота, только "с другой стороны", которого до сих пор большевики охотно дарили буржуазно-капиталистическому миру, как неподходящий для интернационалистического отечества товар.

В "налегании" на Ленина "Известия" не отстают от "Правды". Они приводят другую фразу учителя на ту же "великорусскую тему":

"Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами"...

Вот до чего договорились большевики на 18-ом году революции. Мы довольно далеки от лозунгов социальной пролетарской революции и создания мирового интернационала. "Пролетариат" *прикрепляется* к данной почве и правители начинают играть на чувствительных струнках его "национальной гордости".

Было бы недостаточно объяснить проявление этих новых в советском репертуаре поток одним лишь желанием оправдать смысл декрета от 8-го сего июня, в силу которого члены семьи "изменника родине" "знавшие, но недонесшие" несут ответственность за его побег или "полет" за границу. Лозунгов чтобы "оправдать" подобные жестокие репрессалии, у большевиков нашлось бы сколько угодно, без того чтобы они напирала особенно на советско-великорусский патриотизм.

Повидимому вложенный в новый большевицкий лозунг сентиментальный момент не лишен некоторой доли искренности, по крайней мере, в глазах его авторов и их ближайшего окружения: *русская* государственность, с доминирующим в ней великорусским элементом продолжает свое существование в той новой форме, которую она восприняла с 1917 года. Вся разница лишь в том, что аристократическое правление заменилось "пролетарским", но патриотизм и "любовь к родине" и национальное самосознание у русского крестьянина и рабочего стали еще более ощутительными с тех пор, как "они сами стали хозяевами положения". Сам Ленин, в этом отношении, ничем не уступал любому патриоту из противоположного лагеря: вся разница в том, что он не доллюбливал "царей и помещиков", а стоял за правление "рабоче - крестьянское".

Если большевики сочли нужным, рискуя даже скомпрометировать свой пресловутый интернационализм, договориться до ура - патриотизма, очевидно они сами не особенно-то высокого мнения относительно эффекта, который могла бы произвести на русский народ одна лишь идея "совпатриотизма". Надо было, на всякий случай, вспомнить о "национальной гордости", о природе, о небесах и о языке, для того чтобы несколько оживить эту абстрактную концепцию "любви к невозможному".

Не станем спорить о том насколько такое напоминание о "великорусской гордости" способно будет внедрить в самом русском народе ожидаемый сов - энтузиазм. Предоставим это самому русскому народу. Напомним — и сделаем из этого надлежащий логический вывод — что если большевики нашли хоть такие мало убедительные доводы для того чтобы обратиться к самому русскому народу, то

они не могли найти ничего утешительного для того, чтобы попытаться вызвать такой же сов - патриотизм у других народов СССР, не могущих делить вышеупомянутых лавров великорусской нации. Ибо если бы они стали играть на их "революционной жилке", то они должны были бы упомянуть и об их героической борьбе против русского, скажем даже против "царского", если это их устраивает, империализма. На это-то они не решились. Такт, расчет? Не знаем.

Знаем, однако, что большевики заговарившие о "любви к родине" не могут не знать также о том, что они держат под своим игом, помимо русского, многомиллионные народы, которые *тоже* "любят свой язык", "землю, где они родились", "небеса под которыми они растут и развиваются", а главное — "ее гордые горные хребты!"

И если великорусской нации невозбраняется теперь возлюбить свои "смирненно - плоские поля", то нам, кавказцам, нельзя отказать в праве продолжать любить эти "горные хребты" защита которых нам стоила стольких жертв и крови.

Никакой пустословный "сов-патриотизм" не сумеет подменить этой естественной любви, вкладываемой природой в душу человека.

Русско - советские правители не хотят признать за нами этого общечеловеческого права.

За нами — право об этом им напомнить в удобный момент.

Джейхун бей Гаджибейли

Редакция приглашает друзей "Кавказа, сочувствующих его задачам и направлению оказывать журналу моральную и материальную поддержку, вступлением в число его подписчиков.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА	за год	за 6 мес.
Во Франции	36 фр.	18 фр.
В других странах	38 фр.	19 фр.

Существует ли между Анкарой и Москвой секретное соглашение о Кавказе?

Некоторые кавказские политические деятели, черпающие свою информацию в Лондоне, ссылаются, как на непреложный факт на существование особого соглашения между Москвой и Анкарой относительно Кавказа.

Сущность этого соглашения заключается в том, что в случае военных осложнений на Дальнем Востоке Турецкое правительство, по приглашению Москвы, возьмет на себя обязательство поддержания мира на Кавказе — или выражаясь точнее — сохранения существующего там в настоящее время порядка вещей.

Эта новость нам представляется мало правдоподобной.

Верно что власти Турции и Большевизии живут в интимной дружбе; об этом они твердят неустанно. И даже не возбраняется принимать всерьез эти утверждения — хотя наличие задних мыслей у обеих сторон едва ли подлежит сомнению.

Но это согласие, столь громко и исповедуемое, отнюдь недостаточно для оправдания договора, о котором идет речь.

Во всяком случае в Турции о нем никогда не было разговора. А между тем пребывание в Анкаре в конце минувшего октября миссии Ворошилова, могло бы дать пылким воображениям обильную пищу.

В самом деле трудно себе представить, чтобы такое государство как СССР, прежде чем оно оказалось бы вынужденным к этому непреодолимой необходимостью, пошло на то, чтобы просить реальной помощи соседнего, к тому же мусульманского, государства для поддержания у себя порядка.

Как можно допустить, что Советское правительство пошло бы на такое неприемлемое

ни при каких условиях, признание собственной слабости в тот именно момент, когда ей так важно демонстрировать Японии и Америке видимость реальной мощи, основанной на солидарности и прочных федеративных связях Советского Союза.

Не менее существенны соображения и чисто турецкого характера.

Ни для кого не секрет, что Кавказ и перенная Азия, впрочем, как и весь остальной мусульманский мир, в глазах новой Турции являются настоящим осиным гнездом, от которого надо держаться подальше.

Данное во второй раз обещание уступки грузинского Лазистана (Аджарии) в вознаграждение за услугу, наверное не ослабит у турок этих законных опасений.

Мустафа Кемаль, с железной настойчивостью, ограничил границы своей страны, провинциями старой Оттоманской Империи, исключительно населенными турками - мусульманами. Если он был вынужден включить на Востоке и Юго-востоке обширные области с курдским крестьянским населением, то сделал это только потому, что иначе ему пришлось бы согласиться на создание большого Курдского государства, от которого пострадали бы интересы Турции в той же мере, как и интересы Персии и Ирака.

Но великий реформатор принял самые тщательные меры для того чтобы не скомпрометировать однородность турецкого населения на тех окраинах где, как общее правило, турки были в меньшинстве.

Вот почему с самого начала национальной борьбы, он самым решительным образом восстал против идеи привлечения к борьбе в ка-

честве реального фактора мусульман передней Азии. Он опасался, не без оснований, что союзники, мусульмане по религии, но не анатолийские турки по крови, могут осесть окончательно в Турции. Нужно помнить об этой позиции Мустафы Кемалья для того чтобы уяснить себе ту страстную нетерпимость, которую он проявил в отношении пантуркистских теорий унионистов и пан-исламистских идей сторонников Халифата. — Однако в ту пору Мустафа Кемаль очень нуждался в моральной помощи мусульманского мира.

После освобождения своей страны Мустафа Кемаль неоднократно имел случай высказываться по этим вопросам с исчерпывающей ясностью и прямолинейностью. В первый раз в 1922-23 г.г., сейчас же после освобождения Смирны, позже, в 1926, во время процесса унионистов.

Забота об обеспечении однородного характера пограничного населения в такой мере владела кемалистами, что они сочли необходимым включить в “Национальный пакт” особую статью, предусматривавшую новый референдум в Карской и Ардаганской областях, несмотря на то что население их, после исхода армян, греков и славян, исключительно мусульманское по религии, но не турецкое по расе, выразило в свое время желание вернуться в состав Турции, согласно Брест Литовскому договору.

Мероприятия Анкары подчинены той же идее. Действующие узаконения запрещают кавказским мусульманам спасающимся в Турцию от советского режима оседать на Кавказских границах Анатолии; между тем, эти безграницные области, после исчезновения христианского населения, являются пустыней. Беглецы допускаются в пределы страны лишь при условии, что они будут отправлены в чисто - турецкие и курдо-турецкие районы цен-

тра Малой Азии, где ассимиляция их с коренным населением является вопросом небольшого промежутка времени. Принципиальная цель, к которой стремится турецкая власть, заключается в том, чтобы помешать образованию на окраинах государства более или менее значительных агломераций, хотя бы даже из мусульман, если только они не турко - анатолийского корня. Отсюда и отрицательное отношение к допущению образования на территории Турции кавказских этнических групп.

Достаточно, впрочем, для того, чтобы не осталось никаких сомнений на этот счет, процитировать самого Мустафу Кемалья.

Ведя в 1922 году кампанию за упразднение Халифата Мустафа Кемаль наша обращался к своим соратникам с вопросом, что случилось бы, если, после освобождения страны, мусульманские народы Турции, не турецкого племени, заявили бы о своей способности самоуправляться без всякого постороннего вмешательства и потребовали полной независимости?

Единственно возможное в таком случае решение, по его мнению, заключалось бы в том чтобы пойти навстречу желаниям этих народов и вознаградив и за понесенные в общей борьбе жертвы и лишения, удовлетвориться их благодарностью и благословением.

Находя, однако, такой результат достаточно жалким, Мустафа Кемаль утверждал; что: “население новой Турции не имеет больше права думать ни о чем другом, кроме собственного существования и собственного своего благополучия и что у него не остается больше ничего, чем бы он мог поступиться для других”.

Резюмируя можно, следовательно, утверждать, что Турция вполне удовлетворена своими нынешними границами.

Основная задача, которую она себе теперь ставит заключается, в том чтобы изменить неблагоприятную пропорцию коренного турецкого населения к другим народностям, которая существует на окраинах путем иммиграции туда чистокровных турок из балканских стран. Цель эта будет достигнута, как только закончится постройкой и поступит в эксплуатацию сеть железных дорог в восточных и юго-восточных вилайетах.

Вот почему Турция решительно откажется стать на путь расширения за пределы нынешних своих границ в сторону народов чуждых тюркскому племени и безконечно ревнивых к своей независимости.

Однако для Турции чрезвычайно важно пользоваться возможно большим престижем у всех своих соседей.

Интервенция на Кавказе за счет и в пользу Советской России конечно объединила бы в единодушном возмущении против нее все Кавказские народы без исключения.

С другой стороны абсолютно недопустимо, чтобы Анкара согласилась оказать реальную помощь делу внедрения коммунистических принципов, столь диаметрально противоречащих Исламу — у мусульман, несмотря на то, что сохранение существующего строя в России вполне отвечает ее интересам.

Д. Милль.

Примечание:

Госп. Д. Милль бессменно в течение 20 лет был специальным корреспондентом "Журналь де Деба" в Турции и на Балканах. Он прекрасно говорит по турецки и лично знает руководителей молодой Турции.

Ред.

Шахин шах в Турции

Визит персидского шаха Риза Хан Пехлеви в Турцию является знаменательным событием не только данного момента, но и в истории этих двух стран.

10 июня у пограничного пункта Гурджибулак, в сопровождении своего министра иностранных дел, нескольких видных генералов и многочисленной свиты Шах Пехлеви Риза Хан вступил на турецкую землю в качестве желанного гостя, встреченный при пушечном салюте специальной делегацией во главе с инспектором турецкой армии Али Саит пашой.

Несмотря на свой уже не молодой возраст (57 лет) Шах предпринял довольно утомительное путешествие.

Игдырь, Карс, Эрзерум, Трапезунд — на автомобиле; Трапезунд, Самсун — на дрейнуоте "Явуз"; и, наконец, из Самсуна по

вновь отстроенной жел. дороге через Сивас — Кайсари — в Анкару.

По всей линии пути, потребовавшего 5 дней до Анкары шаху была оказана восторженная встреча со стороны населения и властей, достигшая своего кульминационного пункта на ст. Анкара, когда Мустафа Кемаль Паша, во главе правительства, парламента, высших чинов армии — протянул руку шаху.

Эскортируемый республиканской гвардией Шах и Газн, в открытом экипаже направились по-среди шеренг почетного караула, под рукоплескание многотысячной массы в приготовленные для высокого гостя покои "Халк еви", (Народный дом, одно из лучших зданий Анкары) над которым тотчас же взвился императорский штандарт Шаха. Анкара живописно разукрашенная художествен-

ными арками приняла в эти дни необыкновенно нарядный и праздничный вид.

Роскошно иллюминированная, молодая столица и особенно прекрасное здание персидского посольства и Чанкайский дворец, возвышающиеся на двух противоположных холмах, как бы над всем ближним востоком, невольно отвлекали воображение к величию и сказочному блеску древних империй обоих народов. В первый же вечер прибытия Шаха Гази дал в Чанкайа банкет в честь своего высокого гостя, на котором оба шефа возрождающихся стран обменялись речами.

Гази обратился к своему "Высокому другу и августейшему брату" со следующими словами:

"Если проследить историю взаимоотношений Турции и Персии — мы видим, что самые тяжелые эпохи в жизни обеих стран совпадают с моментами перерыва в их дружбе и наоборот, с усилением нашей дружбы, отвечающей естественным стремлениям и высокой пользе наших народов, обе нации приобретали силу и спокойствие.

Турецкая республика, считаясь с этим ставит в основу своей политики с Персией — дружбу. Точно также, под верховным водительством Вашего Величества, в соседней и братской Персии придается большое значение этим принципам и стремлениям.

Отсюда возникает непоколебимая турецко-персидская дружба.

Мы следим с большой любовью и вниманием за вашей творческой деятельностью и прогрессом Вашей страны.

Турция и Персия, тысячелетиями выполнявшие культурную миссию и сегодня сделали значительные шаги вперед в этом направлении. Визит Вашего Величества, скрепляющий дружбу двух наций, чреват самыми бла-

готворными последствиями для культуры и человечества.

Наши нации желают жить и развиваться в условиях мира и спокойствия и в то же время считают своим священным долгом служение идее общего мира. Сегодняшняя дата знаменательна не только для Турецко - Персидских взаимоотношений — она будет учтена и в перспективах всеобщего мира".

В свою очередь шах ответил "Дорогому брату и блистательному Президенту турецкой республики" следующими словами:

"Я с удовольствием констатирую необыкновенно быстрые успехи соседней и дружественной Турции под Вашим высоко-патриотическим водительством по пути прогресса и культуры.

С момента принятия мною правления государством я чувствую необходимость дружбы с Турцией. и сегодня, благодаря счастливому случаю, вижу искренность турецко - персидской дружбы, которая столь солидна, что останется непоколебимой, не взирая ни на какие невзгоды и потрясения.

Я верю, что две братские и соседние нации, опираясь на взаимное доверие выполняют высокую миссию в отношении прогресса, цивилизации и мира всего мира".

На другой день шах посетил Национальное собрание, где председатель правительства Исмет Паша, между прочим, по случаю его визита, произнес:

"Его Величество шах для Персии то-же, что Гази Мустафа Кемаль паша для Турции.

Во время правления этих двух великих вождей отношения между Персией и Турцией вступили в новую фазу. Две нации, интересы и чувства которых столь близки, в течении веков оставались благодаря недоразумению и интригам, чуждыми и далекими друг другу.

Был у нас пограничный спор с Персией,

тянувшийся около двухсот лет и столь тяжело отразившийся на установлении чувств доверия между двумя державами.

В течении очень короткого времени этот спор и ряд других были разрешены двумя дальновидными вождями обеих стран.

Внесено спокойствие и мир в те пограничные районы, положение которых всегда заставляло задумываться.

Элементы, стремившиеся к нарушению спокойствия в этих районах, присмирели при виде честной и твердой политики обеих сторон. Водворился образцовый порядок. Мы твердо верим, что в новых условиях новой эры наша экономика в силу географии и др. естественных причин, будет более плодотворной для обеих сторон.

Наши близкие и далекие соседи должны быть удовлетворенными фактом Персидско-Турецкой дружбы точно так-же, как и наши страны.

Под знаком больших реформ и наилучшим образом урегулированных взаимоотношений Персия и Турция вступают в новую счастливую эру".

Кроме того Шах посетил все культурные и просветительные учреждения Анкары и с большим интересом ознакомился со всеми отраслями технического строительства молодой Турецкой республики. Днем присутствовал на большом параде войск и скаутов, а вечером в "Халк еви" на парадном оперном спектакле.

Была дана первая турецкая опера, в европейском смысле, "Оз сой", фабула которой взята из древне - персидских и турецких мифических сказаний о родстве турок и персов, происходящих якобы от двух братьев Тура и Ира. Нельзя не заметить, что психологически момент был самым подходящим для постановки этой новой пьесы, которой обе стороны аплодировали с одинаковым энтузиазмом.

Пребывание Шаха в Анкаре резюмируется официальным коммюнике от 20 июня, в котором сказано:

"Вчера Шехин шах в сопровождении своего Министра иностранных дел пожаловал в министерство иностранных дел, где имел 3-х часовую беседу с Гази в присутствии председателя правительства Исмет паши и мин. иностранных дел Тевфик Рюшти бея.

После братского, откровенного обмена мнениями, как по вопросам непосредственно интересующим обе страны, так и по вопросам общей международной политики — было единодушно констатировано, что существует полная согласованность интересов обеих сторон по всем вопросам и одобренные решения по основным из этих вопросов в самом непродолжительном времени будут проведены в жизнь".

После этого Шах и Гази в сопровождении многочисленной свиты покинули Анкару, что бы совершить совместно поездку по западной Анатолии.

Во время этой поездки, между прочим, состоялись важные маневры в Смирне и Балыкесере. Затем Гази и Шах, объездив проливы, вернулись из Чанак-Кале на пароходе в Стамбул, где Шах проведет несколько дней во дворце "Долма бахче" и вернется через Трапезунд обратно к себе.

Наметившееся сближение между двумя восточными державами, находящимися в непосредственном соседстве с Кавказом, каковы бы ни были мотивы сегодняшнего дня, с точки зрения кавказской несомненно является отрядным явлением.

Самый поверхностный обзор истории неизбежно приводит к заключению, что вековые разногласия между Турцией и Персией служили источником национального горя и несчастья не только этих двух стран, но и для Кавказа.

Мы постараемся вернуться к этой теме как -нибудь в другой раз, пока же отметим, что необходимым условием для установления мира и порядка, является, как видно из примера Турции и Персии, независимое национальное государство и твердая национальная власть. Для полного установления мира на ближнем востоке и Азии необходимо справед-

ливое разрешение проблемы Кавказа и Туркестана. В серии вопросов мира, коими так озобочена современная человеческая мысль, разрешение этой проблемы является одной из самых существенных задач.

А. Кантемир

Анкара, июнь 1934.

Вредная бравада

В апрельском номере выходящего в Париже на французском языке "органа национальной защиты народов Кавказа, Украины и Туркестана", "Прометее", появилась статья г. С. Менагри — "Кавказ и его соседи".

Эта довольно длинная статья, обосновываясь на одном выступлении турецкого журнала "Бирлик", трактует о взаимоотношениях кавказских республик, в частности Азербейджана и Грузии, с Турцией. Смысл ее приблизительно таков: в Турции, мол, есть круги, которые относятся отрицательно к идее кавказской конфедерации, настроены не только "пантюркистски" и "пантуранистски", но даже агрессивно по отношению к Кавказу, и особенно к Грузии. Далее, повествует г. Менагри самым безащелляционным образом: "Пантуранистская пропаганда "Бирлика" и К-о привела к противоположным результатам: на этой почве среди турецких народов (С. С. С. Р.) образовались группы, которые заявляют, что они останутся в составе освобожденной (должно подразумеваться — от большевиков. К.) России, где, как они говорят, "30 миллионов тюрок будут иметь известный вес в делах государства".

Ну, и что же? Казалось бы, после такого

категорического заявления заинтересованных групп ничего другого не остается, как поставить крест над прометеевским "фронтом" и прикрыть лавочку? Но нет: к счастью, существует, оказывается, одна такая группа тех же тюрок, азербейджанцев, которая, сплотившись вокруг одного листка, как ангел - хранитель Кавказа, стоит с пером в руках и отражает напасти турецкой печати против Кавказа с его Конфедерацией.

Не знаем, каким образом вышеупомянутые турецкие группы поведали г. Менагри о своем желании "остаться в составе освобожденной России" и из кого, собственно говоря, оне состоят. Но заключаем одно: для того, чтобы приводить цитаты из "Бирлика" и на этом основании писать статьи, или г. Менагри сам должен владеть турецким языком, или иметь под рукой готовый аппарат, снабжающий его переводами таких "однозых" статей, появляющихся в турецкой печати.

В первом случае, полагаем мы, г. Менагри должен был бы "если уж говорить, то говорить до конца", а во втором случае мы должны констатировать, что его аппарат преподнес ему выступление "Бирлика" в

препарированном виде, под специфическим соусом.

Мы тоже прочли здесь писания "Бирлика". Самый факт появления подобной статьи вызвал у нас тогда не мало горьких размышлений относительно "успешной" деятельности групп или лиц, имеющих миссию популяризации среди турецких кругов идеи Кавказской конфедерации, но мы предпочли обойти молчанием этот кифуз. Теперь, когда мы видим, что эта несколько печальная для престижа Кавказа история вдобавок преподносится читателям "Прометея" — будто они имеют — в искаженном и "обработанном" виде, да выставляется еще как результат "положительной работы", нам приходится поневоле высказать по этому поводу и наши соображения.

Во первых, поспешим уточнить, что "Бирлик" не есть у турок то, что называется "большой прессой". Это весьма скромный ежемесячный орган ассоциации турецкого студенчества, а молодежь, как известно, всегда и у всех народов, бывает настроена особенно "по боевому" в вопросах касающихся известных идей имеющих существенное значение для будущности данной нации, в смысле ее величия. Когда у нас, у кавказцев, мегаломанией оказываются одержимы весьма маститые старцы, то простительно и некоторой части турецкой молодежи также иметь свою идеологию и собственную точку зрения на будущность народов принадлежащих к одной и той же, в данном случае, тюркской расе.

Во-вторых, первое выступление этого органа отражало принципиальную установку его руководителей на будущность народов тюркской расы, и хотя, в общем, суждения журнала не были вполне благосклонны к идее Кавказской конфедерации, в виду невыясненного отношения к Турции некоторых его эле-

ментов, все же оно не носило, вообще, такого "однозного" характера, чтобы стоило не только подымать из-за этого резкую полемику, но даже обвинять ассоциацию турецкого студенчества в "большевизанстве", как это сделала опекаемая г. Менагари группа. Второе выступление "Бирлика", более резкое, было вызвано именно подобным крайне безтактным реагированием усердствующих прозелитов "Кавказской конфедерации", которые, обвиняли турецкую молодежь во вражде к Азербейджану, а их орган, вместе с некоторыми другими органами турецкой печати, в большевизанстве, в котором был обвинен также Зиа Гок Альп, который еще недавно был вождем и кумиром не только одной лишь турецкой молодежи, но и многих из новоиспеченных "кавказских конфедератов".

Конечно, при наличии таких нелестных отзывов о "святая святых" турецкой идеалистически настроенной молодежи, отзывы, в тому же составляющих крайне неприятный контраст с прежними тенденциями и заверениями их авторов создается такая особая психологическая обстановка, при которой изумление и возмущение перевешивают над другими соображениями.

Как мы видим, г. Менагари тоже не избегает искушения называть инакомыслящих, в данном случае "бирликцев", "большевизанцами", забывая, вероятно, простую истину о том, что такие приемы могут свидетельствовать лишь об убогости аргументации. Переводя эту полемику в область турецко-грузинских сношений, он всячески старается подчеркнуть "неприятельность" турок к Грузии в целом и их "виды" на грузинскую территорию.

Было бы лучше, если бы автор статьи внимательнее остановился и взвесил ту фразу "Бирлика", которую он счел нужным замолчать, вероятно, для того, чтобы иметь некото-

рую базу для выдвигаемого им обвинения. Вот эта фраза:

“Мы не знаем, насколько будет силен этот политический организм (Кавказская конфедерация), долженствующий иметь единый кавказский флаг, с единым президентом и с общим генеральным штабом. Но что мы знаем, это то, что официально признанное грузинское правительство в Париже состоит из группы социалистов - меньшевиков. Грузинский лидер г. Жордания участвует во II-м Интернационале. Вся разница между грузином Сталиным и грузином Жордания (да простит нас почтенный Ной Николаевич за такое сравнение! К.) состоит в убеждении последнего в том, что ленинский рай можно обрести не революцией, а эволюцией”.

Эта фраза, а также упреки по адресу грузинских меньшевиков, наоборот, в том, что они занимают пораженческую позицию по отношению Москвы, (ведь не важно г. Менагари кто определяет эту пораженческую позицию: II-й Интернационал или “Брдзалис Хма”, орган грузинских меньшевиков), могут служить достаточным указанием на позицию самих “Бирликцев” в отношении большевиков.

Справедливо было бы признать, что тут на лицо скорее недоверие, как к силам самих конфедератов, так и к их доброму расположению к Турции, а главное недоверие к их искренности, сомнение в преданности их проповедуемой ими, во внешнем мире, идее кавказской солидарности... И Поэтому совершенно напрасно г. Менагари бряцает оружием по адресу турок, которые в данном случае, кажется, ничем не проявляют своего желания “вновь поработить Грузию” (*tenir comme auparavant la Georgie en esclavage* — пишет г. Менагари).

Подобного рода бравады мы считаем со-

вершенно неуместными и отнюдь ничего не прибавляющими к успеху Кавказского национального дела...

Наоборот “Бирлик” говорит откровенно:

“Вот тактика, против которой мы протестуем. Что же касается *существа* дела, то само собою разумеется, что турок являющийся знаменосцем угнетенного Востока не может не быть в полной мере сторонником самостоятельности (Азербейджана или всего Кавказа это не упоминается. К.), за которую ратуют сегодня университеты Варшавы, Вильно, Познани, Львова и Кракова”.

Есть еще другой момент в выступлении “Бирлика”, это личная непопулярность среди турецкой общественности некоторых “конфедератов”, вытекающая из их несколько “странного” образа действий при выполнении своих обязанностей. Мы воздерживаемся от искушения привести аттестации даваемые “Бирликом” этим господам, но один из приводимых им эпизодов из их “деятельности”, имеющий политическое значение, должен быть всетаки упомянут, хотя бы в виде намека. Это, когда указывая на приемы, употребляемые “прометеевскими конфедератами” для сведения личных счетов друг с другом “Бирлик” напоминает: “господа не забывайте, что Турецкая Республика на 10-ом году своего существования несколько разнится от Абдул-Гамидовского режима!” — Пусть ответственность за такое нелестное напоминание, смысл которого не трудно понять, падет на тех кто смешивает политическую деятельность с другими проявлениями “личного момента” (насколько нам становится известным, ваш Париж тоже не вполне благополучен на этот счет).

Нельзя, увы, сказать, что идея Кавказской конфедерации имела в Турции вполне надежных и авторитетных проповедников...

Прежде чем пенять на турок за их недоверие к Кавказской конфедерации было бы лучше разобраться в комплексе всех этих вопросов.

Позиция Турции в отношении большевиков чрезвычайно деликатного характера. Советы ведут в отношении Турции крайне осторожную и весьма, надо признаться в этом, умелую политику. До того умелую, что она, из сферы чисто политико - экономических сношений грозит перейти даже в область чуть-ли не сентиментальную. Советские деятели, как мы это замечаем, нащупывают уже чувствительные стороны турецкой души, которой они хотят овладеть.

В такой ответственный и крайне деликатный момент, казалось бы, Кавказские политики должны были бы быть в свою очередь, психологами и стараться противопоставить этой политике Советов по крайней мере такую тактику, которая хоть не мешала бы нашим задачам и не усиливала недоверие к нам и тяготение к нашим врагам..

До сих пор господа "Прометеевцы" делали как раз обратное.

С другой стороны, не знаем, право, какой имеет смысл посвящать "антикавказской" якобы или "антигрузинской" позиции турецкой печати целые столбцы на французском языке, рассчитанные очевидно на европейского читателя? Еще было бы понятно, если бы подобные вопросы дебатировались на турецком языке, с условием, конечно, чтобы это де-

лалось не путем перебранки и бестактных выступлений,носящих отпечаток ущемленного самолюбия того или другого "конфедерата", имеющего зуб против турецкого правительства, а путем нормального и лойяльного усилия к разъяснению недоразумения.

Но преподносить европейским кругам наши ссоры с частью турецкой общественности, да еще под специфически приготовленным соусом --- не значит ли еще более осложнять наш и без того уже сложный вопрос?

Не могут ли те-же европейские круги, допуская мысль, что они читают иногда "Прометей" --- сказать нам, или просто подумать:

— Ну, милые мои, вы черезчур уж боевые натуры. Не успели еще кончить вашу тяжбу с Россией, а у вас уже готовый конфликт с Турцией. Нет, Бог с вами, что то слишком уж сложен ваш вопрос. — И поставят над ним крест.

Во всяком случае, если "Прометей", печатая эту статью думал, что он делает пропаганду, то надо сказать, — пропаганда эта вредная.

И это тем более, что "Прометей", доведший свою недружелюбную позицию к Турции до того, что противиться употреблению турецкого языка органом своих же коллег горцев даже в целях пропаганды, является вообще мало квалифицированным для налаживания отношений Кавказа с Турцией.

Кавказиалы

Истанбул, 18 июня 1934 г.

В Грузинской колонии

С прошлого года два вопроса волновали грузинскую колонию. Один касался злобно-клеветнической статьи, появившейся в “Последних Новостях” от 27 апреля 1933 г. за подписью агента провокатора Гамкредидзе, обслуживавшего одновременно ГПУ и так называемый “Грузинский Политический Центр”, состоящий из бывших членов Грузинского Правительства и сотрудничающих с ним грузинских политических групп.

Эта гнусная статья, имевшая единственной целью загрязнить и дискредитировать оппозиционную грузинскому меньшевицкому Центру национальную группу С. Кедия, окazyвается была напечатана, введенными в заблуждение “Последними Новостями” с ведома и благословения “авторитетных грузинских кругов”.

Другой вопрос касался организации Совета Грузинского Офиса по беженским делам.

По первому вопросу, год с лишним тому назад, Колонией была избрана специальная анкетная Комиссия, которой было поручено произвести по делу тщательное и всестороннее расследование и доложить о результатах Общему собранию Колонии.

Комиссия закончила обследование и представила общему собранию свои заключения еще в ноябре прошлого года. Однако, благодаря сложным маневрам некоторых кругов, заинтересованных в недопущении публичного обличения “авторитетных” инспирированных провокатора, Колония до сих пор не имела возможности ознакомиться с докладом Комиссии и высказаться по существу дела.

Это обстоятельство естественно не могло не вызвать глубокого возмущения в самых различных слоях грузинской эмиграции, окончательно потерявшей последние остатки дове-

рия к тем в чьих интересах такие маневры произведятся...

Разногласия касавшиеся вопроса об организации Офиса по беженским делам в общих чертах сводятся к следующему:

Члены бывшего Груз. Правительства, вместе с т. назыв. “Центром”, повидимому, воображали себя единственными хозяевами Офиса и хотели организовать Совет Офиса из своих сторонников, так сказать, в домашнем порядке и поставить грузинскую эмигрантскую общественность перед совершившимся уже фактом.

Эта попытка, однако, не удалась. Вопрос об Офисе и Совете при нем был поставлен на Общем Собрании Колонии в конце прошлого года. Тотчас же была избрана и Комиссия для изучения вопроса и представления ему соответствующего доклада с проектом конструкции Совета.

Комиссией было установлено с исчерпывающей ясностью, что право иметь свой Национальный Офис предоставлено Французским Правительством не какой нибудь определенной политической группировке, а всей Грузинской эмиграции, находящейся на территории Франции. Из этого логически вытекало, что и право организации Офиса и Совета при нем является неотъемлемой прерогативой эмиграции.

Исходя из этого бесспорного положения Комиссия рекомендовала подчинить Офис, в смысле общего руководства, специально избранному организованной грузинской эмиграцией, Особому Совету.

Против проекта Комиссии от имени “Национального Центра” выступил Евг. Гегечкори. Он пытался доказать Общему Собранию Колонии, что Офис уже имеет свое руковод-

ство и что Совету поэтому надлежит ограничиться чисто контрольными функциями. Никакой руководящей роли в деятельности Оффиса он играть не должен. В вопросе же об организации Совета, вместо принятого до сих пор во всех грузинских общественных организациях выборного принципа, Е. Гегечкори в противоречии со всем своим политическим прошлым старался провести принцип назначения. Ни для кого, конечно, не могло быть секретом, что эта неожиданная позиция была продиктована желанием обеспечить "Нац. Центру" положение полноправного хозяина "Оффиса", создав путем назначения, покорное ему большинство в Совете.

Столь бесцеремонное отношение к правам организованной грузинской общественности, продиктованное исключительно желанием углубить и укрепить засилье совершенно дискредитированного в глазах эмиграции "Центра", вызвало глубокое раздражение и страстные протесты даже со стороны тех, кто в течении многих лет относились к "Центру" больше чем терпимо. В виду позднего времени

первое Общее собрание обсуждавшее этот вопрос было отложено.

В промежутке между общими собраниями было сделано не мало попыток для примирения противоположных тезисов "Нац. Центра" и комиссии Общего собрания Колонии. Ничего однако из многочисленных частных совещаний не вышло. Наоборот, чем больше углублялись прения, тем делалось очевиднее, что "Центр" во что бы то ни стало желает сохранить за собой монополию в деле руководства Оффисом.

Созванное 1 июля, для окончательного решения вопроса Общее собрание прошло в очень напряженной атмосфере и закончилось решительным поражением бывшего Правительства и его "Национального Центра".

Одобрив значительным большинством голосов проект своей Комиссии, организованная грузинская общественность формально осудила позицию "Нац. Центра" и продемонстрировала свое резко отрицательное отношение и недоверие к стоящему за его спиной меньшинскому руководству.

Грузин

Обзор печати

„Кавказская Конфедерация и Армяне“.

(По поводу статьи Г. Баммата)

Под таким заглавием были помещены в выходящей в Париже ежедневной армянской газете "Арач" за подписью известного армянского политического деятеля, быв. члена турецкого парламента В. Палазяна четыре статьи. Мы помещаем, сделанный с некоторыми несущественными пропусками перевод двух последних статей от 26 и 29 мая:

В предыдущих двух статьях я изложил мнение г. Г. Баммата о Кавказской Конфе-

дерации. Г. Баммат считает необходимым, чтобы армяне высказались по этому вопросу "объективно и безпристрастно". Всецело будучи согласен с ним и со своей стороны считая полезным обсуждение этого жизненного вопроса, я хотел бы высказать свое личное мнение.

К сожалению, сам г. Баммат к основному вопросу подходит не объективно. Вероятно, базируясь на исходящих от турок недобросовестных источниках, причину ар-

мянской резни он объясняет неправильной позицией армянских политических вождей и участием армянских добровольческих дружин на стороне русской и союзных армий. Логическим последствием этой политики — он считает обострение отношений Армении с Грузией и Азербайджаном, потому что “армяне всю свою надежду возложили на европейские государства, повернувшись спиной к кавказским народам”.

Однако общеизвестно, что на самом деле руководители армянской политики, делали все возможное, чтобы не допустить Турцию к участию в минувшей войне и когда эти старания оказались тщетными, в начале войны армяне в Турции не только были лояльными гражданами, но и активно помогали турецк. государству. Турки не могут сослаться ни на один заговорщический акт, совершенный армянами на всей территории армянских вилаетов. Еще много раньше образования добровольческих дружин армянами, живущими в России, еще до объявления войны, руководителем “Ташкилате Махсусе” пытались коварным образом уничтожить собравшуюся в Эрзеруме группу армян интеллигентов. Были приняты меры дабы учинить тоже самое и в других районах. И разве можно было возложить ответственность за формирование нескольких небольших добровольческих отрядов на мирное население, превышающее по численности миллион? В таком случае, если бы русские были такими же как турки, то они должны были бы подобным же образом наказать те кавказские народы, которые дали Турции не только добровольческие отряды, но и всячески способствовали последней завладеть Кавказом. Каак же вы хотите, чтобы после такого смертоносного удара, армяне не искали бы для защиты своего физического су-

ществования опоры у враждебных Турции сил? Ведь считалось же совершенно естественным, что в определенный исторический период азербейджанцы и грузины искали защиты у союзников. Взаимная вражда турок и армян должна быть рассматриваема как последствие взаимоотношений между угнетателями с одной стороны и угнетенными с другой. Эти взаимоотношения ничем не отличаются от взаимоотношений между Россией и горцами.

Многие упорно повторяют, что армяне неискоренимые руссофилы. В этом утверждении нет и тени правды. После оккупации Кавказа, как при старом режиме, так и при большевиках, армяне единственная нация на Кавказе, которая всегда давала сильный отпор русским при всяком посягательстве на ее национальные права. Факты должны быть известны Вам. Но начиная с 1895 года, когда турки систематически каждые десять лет устраивали армянские погромы, нам кажется, что армяне имели право принимать меры к самоохроне.

Не взирая на это, г. Баммат ошибается думая, что и теперь армянские политические лидеры руководствуются только чувством мести. Вопреки справедливому негодованию и естественному для народа чувству мести, ценою урона своего престижа и подвергая свою жизнь опасности, они не поколебались предпринять шаги к сближению и взаимопониманию с турецкими государственными и политическими деятелями. Об этом знают Изет паша и Реуф-бей. Но когда армянская республика протянула руку “европеизировавшейся” Турции, то в замен получила обман, резню и политические интриги против армян и грузин, приведшие их совместно с большевиками к оккупации Кавказа.

В каждой борьбе, борющаяся сторона

стремится сузить фронт, сосредоточить все свои силы в одном направлении. Мы сами прекрасно понимаем выгодность такого положения. Мы не друзья Турции, как и она не друг нам. Вы стремитесь втянуть нас в активную борьбу и с Россией. Кого же считать нашим другом? Другом, с которым мы были бы связаны общими интересами, другом готовым взаимно защищать нашу независимость и существование против внешних сил? Заранее знаем Ваш ответ: кавказские соседи. Вы призываете нас учиться на уроках истории, не поддаваться обещаниям держав и обернуться лицом к Кавказу.

В таком случае мы ждем от Вас точного ответа на следующие два вопроса:

1. Справедливы ли территориальные претензии армян по отношению к Турции?

На этот вопрос нам неоднократно отвечали в положительном смысле; но очень скоро отрекались от своих слов (по крайней мере мне известны два таких факта). После всего этого, как можно положиться на новые заверения и верить в жизненность таких соглашений. Чтобы нас не поняли неправильно, мы должны заявить, что поставив этот животрепещущий и основной вопрос, мы сами прекрасно сознаем перед какими затруднениями стоим, если даже наши соседи пойдут с нами. Но мы желаем, чтобы наши друзья признали бы это право за нами и в нужный момент защитили бы его.

2. Готовы ли наши соседи защитить реальными средствами независимость и физическое существование своих союзников от всякой внешней опасности, откуда бы она не угрожала?

Вы пишете, что не можете гарантировать нашу безопасность, как не в состо-

янии этого сделать и армяне по отношению к Сев. Кавказу. Но мой вопрос касается не только гарантий для армян, но взаимной гарантии всех народов, входящих в Кавказскую конфедерацию. Если армяне согласятся войти в Кавказскую конфедерацию, то станут ли Грузия, Азербайджан и Сев. Кавказ на защиту тех наших прав, которые признаны нашими соседями и дружественными нам народами? Если да, то я не сомневаюсь, что армяне пойдут с вами рука об руку. Это единственная верная гарантия безопасности от угрожающих нам внешних сил (в данном случае Россия и Турция), но как Вы указываете имеется и другая возможная гарантия безопасности: это получить гарантию от них же самих. Если не возможно получить одновременно гарантию от обоих вышеуказанных сил, в таком случае необходимо получить беспрекословную гарантию хоть от одной из них.

Армянский народ не преувеличивает свои силы. Он знает, что в отношении реализации своих прав на армянские земли в Турции он находится перед трудно разрешимой проблемой. Но 2/3 армянского народа живет вне родины. Зло, которое вы не познали. Не можем же мы допустить исчезновения этой массы! Куда же поместить этих оторванных от родины людей?

По правде говоря, мы сомневаемся в искренности наших соседей и в особенности в их готовности к прямолинейной совместной работе. В недалеком прошлом мы получили горькие уроки не только у Турции и держав, но и от наших кавказских соседей, которые за "счет турецко - армянских земель" оторвали от нынешней Армении Ардаган - Ахалкалаки, Лори, Карабах и Нахичевань. Если нам предлагают

совместную работу, то мы желаем чтобы она базировалась на взаимных гарантиях и безопасности. Мы больше не можем вынимать из огня горячие каштаны для других.

Вы не верите в прочность русско-турецкой дружбы и считаете ее переходным историческим моментом. Вы уверены, что Турции необходимо создать отделяющий ее от России буфер.

Но в то же время Вы указываете на отсутствие у турок доверия к армянам.

Имея в виду ту среду, откуда получают свое вдохновение даже наши соседи, и которая утверждает, что будто армяне являются орудием в руках России и ищут только повода для того чтобы с оружием в руках занять Турецкую Армению, — не беспочвенны ли Ваши указания? Как внушить доверие сначала Вам, потом и Турции? Я уже говорил, что армяне не ищут вооруженного конфликта с Турцией и предпочитают приобрести свои права путем взаимного соглашения. Но туркам приятно и выгодно не верить нам и не вернуть нам наших земель. Они предпочитают создать буфер из Кавказских народов (иными словами страну находящуюся под полной их опекой) без армян и Армении.

В противном случае можете ли дать нам гарантии? Конечно нет.

С одной стороны вы стараетесь "внушить армянам, что Кавказская конфедерация надежно защищена от всякого рода внешних опасностей", а с другой признаетесь, "что Кавказские народы не могут дать армянам никакой определенной гарантии от внешней опасности". Необходимо чтоб в этот вопрос было внесено больше ясности и определенности. На каких же

основаниях предлагаете Вы сговориться с турками? Не подымать земельного вопроса, сохранить "статус кво", что и даст возможность строить Кавказскую конфедерацию и через нее в будущем откроются широкие перспективы для турецко-армянской дружбы, гарантии и взаимного понимания.

Но как было сказано, все эти добрые пожелания обусловлены вышеуказанными двумя вопросами. Если Ваш ответ положительен и заверения действительны, то не думаю, чтоб тогда армяне предпочли бы самоизоляцию. В этом вопросе армяне всегда первыми шли на встречу, но к сожалению не находили отклика у своих соседей.

В. Папазян

В передовых статьях от 1, 2, 13, и 19 июня "Арач" возвращается к той же теме и повторяет в основных линиях соображения и аргументы г. В. Папазяна. Редактор газеты идет впрочем еще дальше, не усматривая существенной разницы в политике и воздедениях "Кавказа" "Прометей" и Турции и предлагает армянам занять позицию "зоркого нейтралитета".

К сожалению размеры нашего журнала не позволяют нам подробнее остановиться на этих интересных статьях.

В выходящем в Париже журнале армянских комбатантов "Размике" полковник Т. Багдасарьян, анализируя недавние исторические факты, стремится доказать, что кавказские соседи всегда подводили и обманывали армян и что нет основания верить им и в данный момент. Конечный же вывод автора таков: "Мы с Кавказскими народами, но в то же время не против России".

„Тетри Георги“

С 1926 года в Париже издается орган грузинских патриотов „Тетри Георги“. Журнал этот, основным лозунгом которого является „Грузия прежде всего“, отстаивает идеи интегрального национализма и духовно - морального и социального возрождения народа на основах семьи, религии и исторических традиций.

Будичи последовательным противником марксизма, за все время своего существования, „Тетри Георги“ не разу не входил в контакт с грузинскими меньшевиками и организованным ими так. назыв. „Грузинским общим фронтом“. „Тетри Георги“ заявляет себя горячим и искренним сторонником единения народов Кавказа. Мы приводим из последнего 76 номера журнала за истекший май стрывок из статьи нашего глубоко уважаемого сотрудника и друга проф. М. Церетели бывшего, как известно во время Великой войны вме-

сте с князем Г. Мачабелли и Лео Кереселидзе членом „Комитета Независимости Грузии“.

...Объявить независимость Грузии, 26 мая 1918 года, выпало на долю людей, кои на протяжении 40 лет ожесточенно боролись против национальной идеи, попирали и пренебрегали права Грузинского народа. Конечно грузинские марксисты - интернационалисты не могли отстоять и защитить независимость Грузии. Этот день не их! Это не их праздник! 26 мая — день павших за Родину. Им посвятит этот день свободная, обновленная Грузия. И людям погубившим ее свободу, марксистам, не будет места на этом празднике. День этот станет навсегда символом победы и торжества. Связанная единым духом трудящаяся нация разовьет национальные вековые знамена залитые кровью ее предков, а красное знамя — эмблема зависти, раздора и разрушения — исчезнет навсегда.

Письмо в Редакцию

В связи с резкой кампанией газеты „Истиклал“ против г. Шефи бея Рустамбеи, нами получено с просьбой напечатать нижеследующее заявление:

За последнее время среди азербейджанцев, проживающих за границей, вокруг письма Шефи бея Рустамбеи, возникла борьба принявшая весьма нежелательные формы. В частном письме адресованном г. М. Э. Расул заде, Шефи бей обвинил последнего в некоторых неблагоприятных действиях, заявив, что в случае если г. Расул заде имеет что нибудь возразить против этих обвинений, то он готов доказать их перед государственным или перед товарищеским судом, по выбору. В ответ на это г. Расул заде начал печатать в „Истиклал“ разного рода непристойности и грязь против обвинителя. Так как „Истиклал“ имеет целью пропаганду независимости национального Азербейджана и должен объединять для борьбы все национальные элементы нашей эмиграции — подобные недопустимые выступления

его редактора грязнят имя Азербейджана и крайне коробят азербейджанцев.

Заставляя некоторых лиц, находящихся у него на жалованьи, подписывать и печатать пасквили самого недостойного содержания г. Расул Заде лишает газету „Истиклал“ его значения как национального органа и вносит разлад и раздоры в среду наших соотечественников.

Мы осуждаем подобные действия г. Расул заде и протестуем против них. По нашему мнению, для очищения себя от возводимых на него обвинений, г. Расул Заде надлежало бы обратиться в коронный или товарищеский суд, а не пользоваться своей газетой для того чтобы, в видах защиты своей персоны, сеять раздоры среди своих соотечественников и покрывать их имена грязью.

Зейнал, Демир, Гасан Фаттах, Гамид, С Агасибейли, Сафар, Л. Невруз-заде, Наки, Огуз Оксай, Али Тахир оглу, Искендер, Абдул Али, (подпись неразборчива), Музаффар, Али, Гасан Ага оглу, Ахмед Фейяз, Абдул Гафар, Фаязов.